

Анатолий Гусев

Камергер
императорского двора

Анатолий Гусев

Камергер императорского двора

«Автор»

2026

Гусев А. А.

Камергер императорского двора / А. А. Гусев — «Автор», 2026

Большая любовь действительного камергера императорского двора Николая Петровича Резанова. И это не Кончита, а Анна Григорьевна Шелихова (в девичестве).

© Гусев А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Камергер императорского двора Аннушка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Камергер императорского двора

Камергер императорского двора Аннушка

Долгое путешествие близилось к концу. Николай Петрович Резанов безразлично смотрел на надоевший однообразный пейзаж за окном кареты — тайгу. Скоро Иркутск, город детства. Сразу после его рождения отца, Петра Гавриловича Резанова, перевели сюда председателем гражданской палаты губернского суда. Николай здесь получил прекрасное домашнее образование, выучил пять языков, а в четырнадцать лет покинул Иркутск, поступив в артиллерийское училище. Окончил его и вскоре за статность, сноровистость и красоту был переведён в лейб-гвардии Измайловский полк.

Карьера молодого Резанова скачками, но двигалась вперёд. Последние два года он управлял канцелярией Гаврилы Романовича Державина, не только поэта, но и кабинет-секретаря императрицы Екатерины Алексеевны. Престарелая императрица засматривалась на молодого управляющего канцелярией. Собственно, она заметила Резанова гораздо раньше, когда он вместе с другими офицерами лейб-гвардии Измайловского полка сопровождал императрицу в её путешествии в Крым. Екатерина Алексеевна с молодости питала слабость к красивым, статным и высоким офицерам гвардии.

Нынешний фаворит императрицы Платон Zubов отправил Резанова от греха подальше — очень далеко от Санкт-Петербурга — в Иркутск с инспекционной проверкой Северо-Восточной торговой компании купца Григория Ивановича Шелихова со товарищи. Уж очень быстро компания разрасталась и богатела.

И вот Николай Петрович Резанов, тридцати лет от роду, кляня на все лады Zubова с его ревностью, в конце лета 1794 года приближался к Иркутску. Конец августа, а здесь уж осень в самом разгаре, отвык Николай Петрович от здешней природы. Он всё вглядывался вперёд, надеясь увидеть стены острога, которые он помнил с детства, но их не было, зато показались несколько всадников, скачущих от города.

Всадники подскакали ближе, и один из них снял шапку и поклонился, не слезая с седла:

— Высокоблагородие, господин Николай Петрович Резанов?

«Казачи», — решил про себя Резанов, а вслух ответил:

— Да, это я.

— Григорий Иванович Шелихов велел кланяться и милости просит к нему на двор в гости.

Резанов задумался: с одной стороны, он едет к господам Шелихову и Голикову проверять их Северо-Восточную торговую компанию, а с другой стороны, они же не преступники, почему бы нет?

— Едем. Я принимаю предложение господина Шелихова Григория Ивановича.

Много воды утекло в Иркуте и Ангаре с тех пор, когда Николай Петрович был тут в последний раз. Город разросся, расстроился, стены острога снесли. Теперь здесь живут, наверное, не полторы тысячи, а все три, а то и четыре. Имеется в виду жители мужского пола, женского — не в счёт.

Дом Шелихова огромный, состоял, как и большинство русских домов на Севере и в Сибири, из подклети и двух жилых этажей, деревянный, из лиственницы. Вокруг дома различные хозяйственные постройки.

Хозяин сам встречал экипаж с Резановым. Шелихов при параде, в парике, при шпаге — ему личное дворянство и шпагу вручила сама императрица Екатерина Алексеевна, чисто выбритый, Резанов представлял его почему-то с бородой и усами.

Раскланялись.

— Флигель вам выделили, Николай Петрович, в полное ваше распоряжение. Баньку истопили. Отдохните с дороги, о делах — завтра.

Утром Николая Петровича разбудил петух. Господи, как давно он не слышал петушиный крик. Нет, конечно, в Санкт-Петербурге и на постоянных дворах петухи кричали, но где-то далеко, а так, чтобы над ухом. Резанов встал с постели с предчувствием чего-то необыкновенного, только вот, интересно, чего?

После завтрака хозяин, Григорий Иванович, пришёл засвидетельствовать своё почтение гостю.

— Как изволили почивать, Николай Петрович?

— Великолепно, Григорий Иванович, великолепно. Выспался.

— Рад за вас. Какой у вас класс-то нынче?

— Седьмой, надворный советник.

— О! — с почтением произнёс Шелихов.

— У батюшки-то шестой был.

— Ну, какие ваши годы? Нагоните.

Резанов, соглашаясь, закивал головой: конечно, догонит, батюшка его буквально из нищеты выползал, у сына были другие условия. Да и лукавит Шелихов: всё он знает про него, а иначе почему посланные встречать казаки величали его «высокоблагородием», а не просто «благородием»?

— Сегодня в три часа пополудни милости прошу на обед. Будет вся головка Северо-Восточной компании, и с моим семейством познакомлю. Вы надолго к нам?

— Как получится. Платон Александрович во времени не ограничил.

— Ну и слава Богу. Гостите. Как говорится: гость — в дом, Бог — в дом. Надеюсь, что вам, Николай Петрович, у нас понравится.

— Не сочтут ли это за взятку?

— Кто? Да бог с вами! Какие взятки. Да и дела мы ведём честно. Все друг друга знают, даже китайцев, хотя они все на одно лицо, как тут обманешь?

— Это своих. А государство?

Шелихов засмеялся.

— Кто Богу не грешен, кто царю не виноват? Всё в разумных пределах, казна государева не страдает. Итак, в три часа, ждём. У нас тут развлечений мало: обеды, балы, охота, игра в карты на званых приёмах.

— В Санкт-Петербурге немногим больше. В какие игры предпочитаете играть?

— В ломбер. В фараон и вист тоже играем, но в ломбер чаще.

— И ломберные столики есть?

— А как же? Что мы — дикие какие? Иркутск — Париж Сибири.

— И какие виды игры в ломбер предпочитаете? Воля, поляк или санпрандер?

— Волю.

— На санпрандере большой куш можно сорвать.

— Мы играем для собственного удовольствия, деньги зарабатываем по-другому. За наши барыши бывает, что жизнями платят: грех их просто так проигрывать. Ну, ждём вас, Николай Петрович.

На обеде присутствовали: Иван Илларионович Голиков с племянником Максимом, тоже Голиковым, — это основные учредители Северо-Восточной компании, Булдаковы, отец и сын, и ещё несколько мелких участников.

И, конечно же, семейство Шелиховых. Это сам хозяин, его жена, Наталья Алексеевна, дама на сносях, Николай Петрович в этих делах не разбирался, но, наверное, скоро родит. За её подол держались годовалая Наталья, трёхлетний Василий и шестилетняя Александра. Ещё три девочки — десятилетняя Авдотья, тринадцатилетняя Екатерина и четырнадцатилетняя Анна — сделали реверанс гостю, как и полагается в приличном обществе. А у гостя сердце ущённо забилося, так ему с первого взгляда понравилась старшая дочь Григория Ивановича.

По внешнему виду, включая одежду, гости Шелихова ничем не отличались от благородного общества обеих столиц — Москвы и Петербурга, хотя и не все здесь были дворяне, вернее, большинство дворянами не были, только хозяин и хозяйка имели личное дворянство.

Гости и хозяйка расселись за длинным столом, Николая Петровича усадили на почётное место в торце стола. Справа от него сидел сам Григорий Иванович, за ним, Наталья Алексеевна, за ней — Анна, Екатерина — они считались уже взрослыми. За девочками сидели Михаил Булдаков и его отец Матвей. По левую руку от Резанова сидели Голиковы и прочие гости. Маленьких детей няни увели в глубь дома.

Авдотья Шелихова упростила мать оставить её за общим столом. Наталья улыбнулась, нежно обняла дочь и разрешила остаться.

— Вы знаете, Николай Петрович, — ответила Наталья Алексеевна на удивлённый взгляд Резанова, — хочу вам сказать, морские бобры людей почти не боятся, но быстро понимают, какая опасность им угрожает, и устремляются к морю. Самцы первые в воду бросаются, а самки своих детёнышей носами к морю подталкивают и вместе с ними погибают под палками забойщиков. Ни одна мать своё дитя не бросит, чтобы ей ни грозило.

Наталья ласково посмотрела на дочь и погладила её по волосам, приговаривая:

— Американочка моя.

— Так легко достаются шкурки морских бобров? — удивился Резанов. — Сколько же стоит одна шкурка?

— Шестьдесят рублей, шкурка соболя — пять рублей, лисицы — два.

— Так дорого?

— А вы попробуйте доберитесь до тех берегов, где морских бобров легко добывать, тогда и узнаете: дорого это или нет. Я это к тому, ваше высокоблагородие, что промысел морских бобров — это очень выгодное дело.

Резанов понял последнюю фразу, как намёк, вопрос — на что?

Начался званый обед со здравницами и прочее, прочее. Николая Петровича удивило на столах французское вино.

— Как же так? — спросил он. — Во Франции — революция, королю голову срубили, война, а у вас вино оттуда?

— Война — войной, — ответил Шелихов, — а коммерцию никто не отменял. Но думаю, что это последняя партия. Тамошние крестьяне, вместо того, чтобы виноград выращивать, с ружьями бегают друг за дружкой.

Николай Петрович не сводил глаз с Анны: ладная, крепко сбитая красивая фигура коренной сибирячки, тёмно-русые волнистые волосы, серые озорные глаза, слегка раскосые, доставшиеся от туземных прабабушек.

Резанову она нравилась всё больше и больше, взгляд от неё отвести не мог.

Считалось неприличным так откровенно смотреть на девушку, поэтому Резанов заговорил с её матерью, спросив:

— Наталья Алексеевна, а почему вы Евдокию называете «американочкой»?

— А как же, сударь? На острове Кадьяк родилась и там жила несколько месяцев.

— Вы были в Америке на промыслах? — удивился Резанов.

— Была.

— И Григорий Иванович вас взял? — продолжал удивляться Резанов.

— Взял, а куда деваться? — вступил в разговор Шелихов. — Такая лиса моя Наташа.

Сначала уговорила, что проводит меня до Охотска. От Иркутска до Охотска — четыре тысячи вёрст. Не шутка. А потом, как обухом по голове, объявляет: «Куда это ты меня одну отправить? С мужиками? Не боишься?» Поскандалил, поругался, говорил, что это не прогулка на санях. А она мне в ответ: «С тобой иду и дальше иду, а хоть и до самой смерти, всё одно иду». Ну, как такую не взять?

— А что? Я замужем, а всё одно как вдова: мужа рядом нет.

— Так, Наталья Алексеевна, на промысле вы тоже одна среди мужиков, не боялись? — спросил Резанов.

— Чего бояться? Я для них не женщина, а жена хозяина. Да сначала и не до этого было.

— Тяжело нам пришлось по началу, — согласился с женой Шелихов. — Вышли мы на трёх галиотах — «Три Святителя», «Святой Михаил» и «Святые Симеон Богоприимец и Анна Пророчица». Только Камчатку обогнули, как шторм налетел. Ох и жестокий. У Командорских островов встретились два судна: «Три Святителя» и «Святые Симеон и Анна», изрядно потрёпанные, но на плаву. А на «Святом Михаиле» капитан был неопытный, его занесло аж на Курильские острова, он нагнал нас только на острове Кадьяк, когда мы оттуда уходить собрались. Решили мы перезимовать на острове Беринга. Тяжело было.

— Мой Гриша хозяин рачитый, — сказала Наталья Алексеевна и с любовью посмотрела на мужа. — На Командорах двое померли, да на Кадьяке туземцы убили шестерых, ну и так... Почти все вернулись. Там и радость у нас случилась: Дуняша моя родилась, американочка.

Разговор закрутился вокруг Северо-Восточной компании и участия в ней Шелихова, о бухте Трёх апостолов и первом русском поселении в Америке на её берегах, о схватках с туземцами. Что компания изначально затевалась с прицелом на несколько лет, что людям платили помесячный, заранее обговорённый оклад, поэтому народ в компанию валом валил.

В конце обеда Иван Голиков пригласил всех послезавтра на бал.

На следующий день Николай Петрович и Анна Шелихова случайно встретились во дворе усадьбы.

— Здравствуйте, Анна Григорьевна, — церемонно раскланялся Резанов, — имеете ли вы намерение посетить завтрашний бал?

— Здравствуйте, Николай Петрович. Конечно, это мой первый бал.

— Да вы что? Готовы?

— В общем — да, только вот шаги в менюэте смущают, не очень получают.

— Это же просто.

— Вам, может быть, вы привычны там, в столицах, а у меня первый бал. И фигуры полонеза — тоже.

— Давайте порепетируем, Анна Григорьевна, я помогу и сразу же прошу оставить за собой танцы с вами — полонез, менюэт.

— Буду только рада, Николай Петрович.

Репетировали они несколько часов, и на балу первый — полонез, они, Николай и Анна, шли первой парой. И дальше, на всём протяжении бала, они почти не расставались. Менюэт особенно хорошо получился.

Бальная зала наполнена ароматами осенних цветов, духами купеческих жён и дочерей, шорохом дорогих нарядов, сапоги купцов натёрты до блеска берёзовым дёгтем. И, всё-таки, это не Петербург, невзирая на купеческий размах, нет дворянского изящества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.